

5. *Можжаева Т. Г.* Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте: на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Этувд: дис. ... канд. филол. наук / Т.Г. Можжаева. – Барнаул, 2006. – 167 с.

6. *Незнамов П.* Читинский скорый / П. Незнамов. – URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2988.html> (дата обращения: 15.09.2016).

7. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – URL: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/tynyanov-pilk.htm> (дата обращения: 25.08.2016).

8. *Федотова Н.Ф.* Визуализация в поэзии русского авангарда / Н.Ф. Федотова. – URL: http://kpfu.ru/portal/docs/F1779977431/Vizualnaya.kommunikaciya.v.sociokulturnoj.dinamike_МАКЕТ.pdf (дата обращения: 18.09.2016).

9. *Эйзенштейн С.* Монтаж (1938) / С. Эйзенштейн. – URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTEJN/s_montazh_1938.txt (дата обращения: 12.09.2016).

Д. С. РЫЖОВА

младший научный сотрудник

Центр гербоведческих и генеалогических исследований,

Институт всеобщей истории РАН,

Россия, Москва

dar.ryzhova.iv@yandex.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПОСРЕДСТВОМ ЩИТОВ В ЛИТЕРАТУРЕ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. Идея использовать изображения на щитах в качестве средства визуальной коммуникации появилась в далекой древности и прошла долгий путь до становления в кодифицированной форме европейской геральдики. Источником информации об изображениях на догеральдических щитах могут служить как изобразительные источники, так и литературные описания. Проследив путь развития обоих типов источников из античности в средневековье, возможно удастся более подробно понять, что предшествовало становлению геральдической системы.

Ключевые слова: геральдика, герб, блазон, щит.

Щит – важный элемент воинского вооружения, к тому же предоставляющий удобную широкую поверхность для нанесения изображений, чем пользовались многие народы и культуры. Изображения на щитах известны нам с далекой древности, причем источником информации о них могут быть

как разного рода изобразительные источники, так и описания вооружения воинов в литературе, что, кстати, не раз сбивало с толку исследователей геральдики, пытавшихся искать ее истоки в античности [6, р. 5–54]. Самих щитов в виде сохранившихся артефактов в нашем распоряжении часто нет. Анализ имеющихся изобразительных источников, как правило, тоже не может дать ответ на вопрос о символической составляющей изображений на щитах: чем был продиктован его выбор, что он значил для носителя и его окружения.

Упоминание первых изображений на щитах мы находим у Геродота, который приписывает их карийцам, населявшим юго-западное побережье Малой Азии. И если проверить эти сведения мы не имеем возможности, то микенская археология уже предоставляет целый ряд вещественных доказательств того, что микенцы размещали изображения на своих щитах [5, р. 62]. В Греции, начиная с архаического периода, существует огромный массив изобразительных источников (в большинстве своем керамики), демонстрирующих вооруженных щитами гоплитов. Среди них довольно часто встречаются звезды, месяцы, лошади, львы, головы Горгоны, фигуры воинов. Однако значение этих изображений, их регулярность и логика выбора остаются неизвестными.

В поисках ответа следует обратиться к литературным источникам. В «Семерых против Фив» Эсхила приведены описания щитов главных героев, которые несут на себе конкретные и понятные фигуры и сцены: на щите Полиника была изображена Фемида, несущая его же самого, что, очевидно, должно было указывать на законность притязаний героя; щит Этеокла, изображавший гоплита, ставящего лестницу к стене города и кричащего, что сам Арес его не остановит, являлся предупреждением врагу и др. [5, р. 69]. Но можно ли быть уверенным, что реальные воины выбирали фигуры для своих щитов аналогичным способом? Почему в таком случае большинство артефактов показывают простые и однообразные фигуры, а не целые индивидуально выбранные сцены? Не стоит забывать, что «Семеро против Фив» – поэтическое произведение.

Здесь важно вспомнить об одном явлении античной литературы. Довольно известным и легко узнаваемым фрагментом Илиады является описание щита Ахиллеса: Гефест изготовил для Ахиллеса щит, на котором изобразил солнце, луну, звезды, созвездия, города, их жителей и их занятия. Данное описание является классическим примером экфрасиса – греческого приема литературного описания предметов искусства, своеобразным «риторическим упражнением» [7, р. 54–55]. Вполне очевидно, что все это не могло быть изображено на одном щите с той точностью, с какой его описывает автор. Таким образом, греческие литературные описания очевидно нельзя использовать в качестве надежного источника, характеризующего особенности применения изображений на щитах, что не позволяет нам дать ответ на поставленный вопрос.

Однако интересно проследить использование приема экфрасиса в последующие периоды. В средние века, по крайней мере в немецкой и французской народной литературе, классический экфрасис также использовался, но развивался в ином направлении. С одной стороны, мы находим большое количество примеров этого приема, с другой – он больше не применим к щитам. Вместо этого мы находим другие предметы, несущие на себе космологические и исторические изображения [7, р. 56]. Примером может служить описание седла Эниды в первом романе Кретьена де Труа, на котором изображена вся история Энея: его бегство из Трои, любовь к Дидоне, отплытие в Италию. В том же произведении мы находим и описание облачения Эрека при коронации – на нем символически представлен квадривиум – символы четырех основных наук: геометрии, арифметики, музыки и астрономии. А скипетр его являет собой изображение всех птиц, зверей и народов земли. Ни одного описания какого-либо изображения на щите в этом произведении нет, хоть есть и вполне конкретные отсылки на то, что герои романа уже пользуются гербами.

Отсутствие художественных описаний щитов в литературе средних веков, начиная с XII в., может быть свидетельством того, что щит уже не мог нести символическую информацию, т. к. стал носителем совсем других сведений. Поскольку время написания первых рыцарских романов – вторая половина XII в. [2, с. 35] – является и временем становления геральдики [3, с. 128], то любое изображение на щите уже скорее всего воспринималось буквально, как «визитная карточка» его владельца, поэтому и экфрасис хоть и остается как литературный прием, но уже больше не применим к геральдическому щиту.

Интересно, что если мы попытаемся отыскать знаменитый щит Ахиллеса в ранних средневековых версиях романа о Трое, то ничего не найдем: в них нет не только экфрастического описания изображения, но и упоминаний, что на щитах героев вообще что-то изображено. При этом есть достоверные свидетельства того, что мотив щита Ахиллеса в средние века был известен: например, «Латинская Илиада» Публия Бебия Италика, которая являлась частью образовательной программы средневековых школ, это описание все же содержит. Более того, в конце XIII в. Конрад фон Вюрцбург, наделил Ахиллеса новым, уже вполне геральдическим щитом: *Üz silber was ein blanker swane / Üf sînen brûnen schilt gewohrt* («из серебра белый лебедь на его темном щите») [7, р. 57].

Л. Були де Леден в поисках первых свидетельств геральдики также упоминает, что описания внешнего вида щитов появляются еще в XI в., но изображений эти щиты не несут. В текстах упоминаются умбоны, окантовки и другие иногда фигурные элементы, не несущие символической информации [4, р. 190]. Однако уже для XII в. он отмечает частое появление термина *conoissance* в поэмах. Термин этот скорее всего еще не означал непосредст-

венно герб, но определенное геральдическое или протогеральдическое изображение [4, p. 197].

Интересным источником сведений об этом этапе и наиболее благодатной почвой для исследования в данном направлении являются пять романов Кретьена де Труа. Все романы были написаны во второй половине XII в. [2, с. 114], именно в интересующий нас период. В романах неоднократно упоминается вооружение рыцарей, однако нет ни одного конкретного описания изображений на щитах. При этом романы не лишены геральдических аллюзий. Например, пытаясь установить личность незнакомого рыцаря, Эрек спрашивает у местного жителя: *Biax ostes, ne vos enuit mie, / Mes dites moi, se vos savez, / Qui est uns chevalier sarmez / d'unes armes d'azur et d'or.* («Я не хочу вам докучать, / Но вы не скажете ли мне, / Кто рыцарь тот, что на коне / Проехал со щитом большим / В два цвета – синий с золотым?») (пер. Н. Я. Рыковой).

Позже в XIII в. геральдика настолько прочно укоренилась в сознании средневековых европейцев, став неотъемлемой частью социума, что гербы были придуманы даже для многих исторических личностей, которые не могли их иметь [1, с. 89], что упростило их визуальную идентификацию. Пример этого – щит Ахиллеса в Троянской войне Вюрцбурга – уже был упомянут выше, таким же образом гербы получили и герои артурианского цикла. В средние века коммуникация посредством щита достигла своего апогея.

Очевидно, что щит всегда был важной частью воинского вооружения и идея изображать на щитах знаки была свойственна многим народам, но только в средневековой Европе эта идея развилась в устойчивую и формализованную символическую систему, которая известна нам как геральдика. И если установить логику размещения изображений на щитах в античности представляется относительно трудной задачей, то идея использования геральдических изображений в средневековье нам понятна и уже довольно хорошо изучена, т. к. с тех пор как появилась геральдика, описания щитов стали служить исключительно ее целям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.А. Воображаемые и приписанные гербы в свете умозрения Средневековья / В.А. Антонов // Signum. Центр гербоведческих и генеалогических исследований. Вып. 8. – М.: ИВИ РАН, 2015. – 294 с.
2. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра во французской литературе / А.Д. Михайлов – М.: Наука, 1976. – 351 с.
3. Черных А.П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века / А.П. Черных // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74(3–4). Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. 2013. С. 124–149.

4. *Bouly de Lesdain L. Études héraldiques sur le XIIe siècle / L. Bouly de Lesdain // Annuaire du Conseil héraldique de France. – Paris: Conseil héraldique de France, 1907. – P. 185–244.*

5. *Chase G.H. The Shield Devices of the Greeks / G.H. Chase // Harvard Studies in Classical Philology – 1902. – Vol. 13.– P. 61–127.*

6. *Menestrier C.–F. Le veritable art du blason et l'origine des armoiries / C.–F Menestrier – Paris, 1680. –*

7. *Wandhoff H. The Shield as a Poetic Screen: Early Blazon and the Visualization of Medieval German Literature / H. Wandhoff // Visual Culture and the German Middle Ages. – New York: Palgrave, 2005. – P. 53–71.*

А. Ю. САРКИСОВА

кандидат филологических наук, доцент

Томский государственный педагогический университет,

Россия, Томск

anju@sibmail.com

**ФИЛОСОФИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЧЕСКОГО
ФОНДА РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. Статья посвящена некоторым философским аспектам визуального восприятия, представленным в языковом сознании носителей русского языка. Объектом исследования становятся паремические единицы, актуализирующие проблемы познания мира, соотношения видимого и сущего, этики и аксиологии визуального. Выступая накопителем информации о закономерностях визуального восприятия действительности, язык объективирует национальные представления о роли зрительных перцепций в быте и духовной жизни народа.

Ключевые слова: визуальное восприятие, языковое сознание, паремия, паремический фонд, познание мира, этика визуального, философия визуального.

Визуальное восприятие с древнейших времён является ключевым механизмом познания и осмысления мира. Сложный, многоуровневый характер визуальных процессов предполагает не только рецепцию объективной реальности, но и её преломление в сознании, своего рода ментальную интерпретацию. Когнитивные закономерности визуального восприятия оказываются неразрывно связаны с этико-эстетическими и аксиологическими. Исследователи